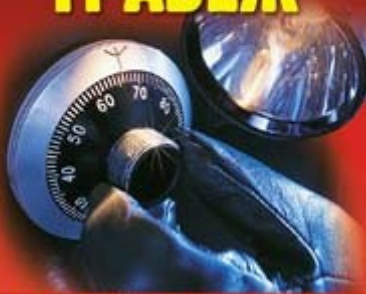

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

Виртуозный ГРАБЕЖ

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Алексей Макеев
Николай Иванович Леонов
Виртуозный грабеж
Серия «Полковник Гуров»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=164202
Виртуозный грабеж: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-27362-1*

Аннотация

Полковник Гуров повидал немало «криминальных» талантов. Но эта банда гоп-стопников удивила даже бывалого сыщика. Грабят эти ребята не кого попало, а только состоятельных граждан. И каждый раз творчески подходят к делу, работают без осечек. И все же Гурову ясно, что эти бандиты новички. Никто их не знает, даже авторитеты пожимают плечами и хотят поставить на место наглых грабителей. Теперь по следам лихих налетчиков идут и бандиты, и опера. Одни готовы закатать их под асфальт, другие – упечь на нары. На большой дороге расправа жестокая...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	25
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Леонов Николай Иванович Макеев Алексей Викторович Виртуозный грабеж

Глава 1

– До чего же все-таки мудрая вещь – анекдоты! Просто не в бровь, а в глаз! Как говорят в анекдотах про блондинок, так и тут: все один к одному и придумывать ничего не надо! – раздраженно проговорил сидящий за рулем мужчина. – Ты сегодня просто побила все рекорды тупости, дорогая, поздравляю!

Судя по внешнему виду, этот человек был бизнесменом или каким-то весьма ответственным работником – солидный, в дорогом костюме, с властным выражением слегка оплывшего лица. Выглядел он лет на пятьдесят, хотя на самом деле было ему на пять лет меньше. Вдобавок сейчас черты его лица выражали сильнейшую досаду, которую он долго сдерживал, и теперь она рвалась наружу. Несмотря на раздражение, машину он вел уверенно и на газ не давил. Даже намеренно не увеличивал скорость, чтобы до приезда домой успеть высказать все, что накопилось у него на душе.

Объектом его претензий была спутница – молодая, редкой красоты женщина в вечернем платье, с переливающимися искрами бриллиантовым колье на точеной шее. Она действительно была блондинкой, причем природной, и этот факт сейчас почему-то особенно злил мужчину. Даже больше, чем олимпийское спокойствие, с которым женщина реагировала на его наскоки.

– Чего тебе опять не нравится, Василевский? И вообще, что за манера постоянно хамить? Мне это уже надоело. Ты лучше на себя посмотри. Ведешь себя, как новый русский из анекдотов, если уж говорить про анекдоты. Я, между прочим, институт закончила, иностранные языки знаю, а ты-то что собой представляешь? Три класса и коридор... И чего я такого тупого сделала, не понимаю?

В самом деле, трудно было поверить, чтобы такое совершенное создание природы заслуживало обвинения в тупости. Горделивая посадка головы, спокойные синие глаза, великолепные светлые волосы, уложенные в сложную прическу, – все это в сочетании со сдержанными манерами могло вызывать только восхищение. Кажется, женщина и сама это отлично понимала, поэтому и к нападкам мужчины относилась с некоторым пренебрежением.

Но он смотрел на дело иначе.

– Что она сделала тупого! – придушенным голосом воскликнул он, впервые за всю дорогу слишком резко переключая руль и едва не выскакивая на встречную полосу. – Она еще спрашивает! Да ты ничего больше и не сделала! Каждый твой шаг был отмечен феноменальной тупостью. Можешь записать это себе на всех языках, которые ты знаешь. Тебя для чего взяли на этот вечер? Чтобы ты произвела впечатление на заместителя мэра. Я тебе неделю вдалбливал, что этот человек большой ценитель вашего чертова прекрасного пола! Он непременно должен был клонуть на твой холеный фасад. Ты должна была с ним флиртовать, делать ему намеки... Ну, ты сама отлично знаешь, что делается в таком случае. Небось, когда меня охмуряла, тебя ничему учить не надо было!

– Я тебя охмуряла, Василевский? – недоуменно повторила женщина. – Да все не так было. Ты сам запал на меня. Вертелся рядом, как кот возле сала...

– Не воображай о себе того, чего у тебя никогда не было! – перебил ее мужчина. – Да, я принял решение жениться на тебе, но твоей заслуги, Елена, здесь нет, это был рассчитанный шаг. При моем бизнесе полезно иметь рядом смазливую бабу в дорогих платьях и бриллиантах. Кем ты была, вспомни! Провинциалка, вляпавшаяся в московскую веселую жизнь. Ну и что с того, что у тебя привлекательная внешность? Тысячи таких, как ты, знаешь, где кончают? Я одел тебя, вывел в люди... Колье на твоей шее, которым ты так гордишься, купил, между прочим, я, на свои деньги. Тридцать пять штук отвалил...

– Как тридцать пять? – с неподдельным волнением произнесла женщина. – Мне кажется, ты говорил раньше – сто.

Похоже, это был первый факт, который ее по-настоящему взволновал. Она медленно повернула голову и пристально уставилась на своего спутника.

– Значит, эта штука стоит в три раза меньше?! – повторила она с презрением. – Ну ты и трепло, Василевский!

Мужчина поморщился. Встречный автомобиль ослепил его светом фар. Он выругался вполголоса, снизил скорость и только потом не слишком озабоченно произнес:

– Ну и стоит... Ну и что такого... Важно, что ты об этом думаешь, а не то, что есть на самом деле. Ты отлично себя чувствовала, думая, что эта бижутерия стоит сто тысяч баксов, верно? А зачем платить больше, когда эффект один и тот же? И потом, с тебя же никто не требовал предъявить чек!

– Ну ты и жлоб! – мрачно констатировала женщина. – Еще и меня обвиняет!

– Ты это заслужила, – убежденно заявил Василевский. – Контакт с заместителем мэра нужен мне как воздух, ты отлично знаешь. Человек он своеобразный, и подкатиться к нему непросто. Через тебя это было вполне реально. Но ты предпочла строить глазки какому-то постороннему гомику. Спасибо!

– Во-первых, он не гомик, – сказала женщина. – Во-вторых, он винодел. У него огромные виноградники в Абхазии. И он настоящий мужчина. Не то что некоторые. Внимательный, остроумный и действительно по-настоящему ценит женскую красоту. А твой заместитель – просто жирная скотина, и к тому же он появился, когда все уже расходились.

– Ну да, он опоздал немного, – согласился Василевский. – Ничего страшного. У тебя было еще море времени. Но ты все пилилась на своего винокура. Очень разумно! Наверное, твой винокур поможет нам выбить участок в центре Москвы под новый магазин. Наверное, поможет! Зачем нам заместитель мэра?

– Ну да, и ради того, чтобы понравиться заместителю мэра, ты готов подложить под него свою жену! Очень красиво!

– Никто не говорил, чтобы ты под него ложилась, дура! Да и, в конце концов, лучше уж лечь под заместителя, чем под бесполезного плейбоя. По крайней мере, от этого хоть польза будет. Думаешь, я не знаю про твои выкрутасы? Я отлично знаю, с кем ты проводила время прошлым летом, когда на мои деньги ездила в Италию! И в какой салон красоты ты носишься каждый четверг, я тоже знаю! Так что не надо разыгрывать из себя святую невинность! Лучше бы направила свои исключительные способности в нужное русло. Уж на эту маленькую вольность я бы закрыл глаза.

– Еще бы ты не закрыл! Тебе только это и остается. Ты сам-то когда последний раз исполнял свои супружеские обязанности? Не помнишь?

– Закрой рот, дура! Не доводи меня до белого каления! Мало того, что ты все испортила, так у тебя еще хватает наглости доказывать мне свою правоту. А на самом деле у тебя нет никаких прав. Ты что-то представляешь собой, пока я этого хочу, неужели даже это тебе нужно объяснять? Мы не в Америке, и брачного контракта со мной ты не заключала. Если я подам на развод – ты окажешься там, где тебе и надлежит быть, то есть на помойке. А я добьюсь того, чтобы ты не получила при разводе ни гроша, попомни мое слово!

– Вот и видно, что ты жлоб, – сказала заметно встревожившаяся Елена. – Ради копеечной выгоды ты готов на все. Ты даже едешь на машине без шофера, хотя в твоём положении это дурной тон. И на колье ты тоже сэкономил...

– Далось тебе это колье! Чтобы носить дорогие вещи, нужно хотя бы немного шевелить мозгами. Попытайся это понять. А на машине я езжу сам, потому что мне это нравится. И, по крайней мере, я могу быть спокоен в том отношении, что наши с тобой разговоры останутся между нами. Не хочу, чтобы посторонние люди считали меня дураком, а рядом с тобой невольно глупеешь.

– Не знаю, чем уж я так тебе не угодила, – уже не слишком уверенно проговорила Елена. – Если твой чиновник не считает нужным приходить вовремя, я-то тут при чем? И что такого, если я немного поболтала с приятным мужчиной? Мы же не в каменном веке живем!

– Мы живем в каменных джунглях! – резко сказал Василевский. – И эту истину нужно отчетливо понимать. Ты не светская львица, чтобы развлекаться на тусовках. Нам нужно завоевывать рынок. Да, мне удалось кое-чего добиться, но чтобы не упасть, нужно все время вертеть педали, двигаться! Мне позарез нужно отвоевать участок в центре, а в наше время это совсем не просто. Нужно приложить максимум усилий. От тебя требуется всего лишь быть любезной с нужными людьми, с нужными, пойми это своими куриными мозгами, Барби ты недоделанная!

– Ты опять мне хамишь, – вздохнула Елена. – Хотя я стараюсь делать все, как ты хочешь.

– Вижу я, как ты стараешься! – с досадой сказал Василевский. – От таких стараний только рога вырастают, больше ничего... Еще раз увижу, что ты строишь глазки бесполезным людям, – пеняй на себя. Ты знаешь, я терплю-терплю, а потом мое терпение лопається... Вот черт! Что это там впереди? Вроде никогда здесь поста не было! Совсем менты облагдели. На каждом шагу купоны стригут...

– Тебе-то чего бояться? – спросила Елена. – «Мерседес» у нас совсем новый. К чему им придираются?

– А вот к тому, что новый, – процедил в ответ Василевский. – Значит, бабки в кармане шевелятся. Они это дело на раз чувят. Только что-то мне непонятно... Свет, зараза, глаза режет! Вроде не менты это... Чего тут случилось?

И правда, впереди на темной дороге вспыхнул резкий свет фар. Какая-то большая крытая машина стояла на обочине, как раз на той стороне, вдоль которой двигался «Мерседес» Василевского. Но стояла она, развернувшись «мордой» против движения, и свет ее фар бил прямо в глаза Василевскому, провоцируя у него приступ бешенства. Он терпеть не мог яркого света, особенно на дорогах. Однажды он даже подрался с ослепившим его водителем – специально догнал и здорово начистил ему морду. Но это было уже давно. Теперь Василевский таких эксцессов себе не позволял, берег имидж. Тем более не собирался он вступать в конфликт с представителями власти, даже если у тех имелись не слишком законные основания чего-то от него требовать. Василевский давно понял, что проще заплатить, чем тратить время и нервы.

Однако застава на дороге мало напоминала обычную засаду гаишников. Во-первых, машина была какая-то странная, во-вторых, человек, который черной тенью выступил из потока света навстречу «Мерседесу», тоже выглядел необычно. На голове у него была стальная каска, а в руках он держал какой-то странный фосфоресцирующий знак, мерцающий искусственным густо-желтым цветом. Василевскому показалось, что нечто подобное ему приходилось видеть раньше на контейнерах с радиоактивными веществами или химическими отходами – случайно, конечно, он всегда был далек от таких вещей. Вся эта техническая канитель вызывала у него жуткое напряжение. Василевский даже простых электрических пробок боялся, хотя никому в этом не признавался. Просто не касался их, и все.

Человек в каске настойчиво взмахнул несколько раз своим светящимся жезлом, и Василевский затормозил. Он все еще был взбудоражен разговором с законной супругой, но теперь в непонятной ситуации ему захотелось, чтобы она поддержала его, и Василевский спросил вполголоса:

– Что тут у них творится, как ты думаешь?

– Они сами скажут, – лаконично ответила Елена. – Мне так кажется.

– Ну-ну, – буркнул Василевский и опустил боковое стекло.

Он невольно вздрогнул, когда прямо на него надвинулась чудовищная неживая харя с плоскими стеклянными глазами и металлической круглой коробкой вместо рта. Через секунду он понял, что лицо человека в каске просто закрыто противогазом, но первое впечатление было шокирующим.

– Виноват! Служба радиационной и химической разведки. Сержант Гаркуша. Убедительно прошу всех пассажиров выйти из машины.

– В чем дело? – заволновался Василевский. – При чем тут разведка? Мы едем домой. За вторым поворотом – наш поселок. По какому праву вы останавливаете частный транспорт?

– Виноват! – жестяным, дребезжащим голосом повторил противогаз. – Я не уполномочен. Командир все объяснит. Но из машины придется выйти. Приказ.

Василевский почти в полный голос выругал идиотские приказы и армейскую тупость, но из машины все-таки вылез. Елена вначале посчитала, что к ней армейские приказы никак относиться не могут, тем более что ее красивое вечернее платье могло запачкаться на сырой обочине, но когда заметила, что следом за жутковатым сержантом из темноты появились еще две мужские фигуры, стройные, широкоплечие, в офицерских погонах, сердце ее дрогнуло, и она тоже покинула машину.

Вслед за мужем она шагнула вперед, поближе к молодым офицерам, но тут ее ждало большущее разочарование. Оба красавца были также облачены в кошмарные противогазные маски и вблизи походили то ли на прищельцев, то ли на тварей, поднявшихся из бездны. И разговаривали они такими же безликими противными голосами, дребезжащими на каждом звуке из-за встроенной в противогаз мембраны. Правда, они оказались куда любезнее и разговорчивее своего подчиненного.

Первый из них, капитан в ладно подогнанной форме, даже предупредительно взял Елену под руку и успел сделать комплимент ее эффектной внешности. Комплимент был не слишком изящный да и через мембрану звучал довольно смешно, но все-таки это было лучше, чем ничего.

Василевскому никто комплиментов не делал, но и с ним офицер разговаривал уважительно, хотя и строго:

– Приношу свои извинения, граждане, – протребезжал он сквозь металлическую коробку, которая располагалась там, где полагалось быть рту. – Но в данном районе произошла утечка радиоактивных материалов. Наша группа контролирует местность в районе семи километров. Ситуация сложная, поэтому очень прошу проявить понимание.

– Что за чертовщина? Какая еще утечка? Чего вы вообще от нас хотите?! – занервничал Василевский. – Надеюсь, вы не собираетесь призвать нас в ряды добровольцев по очистке местности от радиации?

– Ну что вы, как можно? Совсем нет. Мы проводим выборочный дозиметрический контроль. Это недолго. Только придется подняться в автомобиль. Немного неудобно, но все это делается в целях вашей безопасности.

– Что за идиотизм! – взорвался Василевский. – Какой, к черту, контроль? Плевать я хотел! С нами все в порядке. Мы уезжаем. Разговор окончен.

Из-за спины капитана выдвинулся второй офицер – на погоне три маленькие звездочки – и с упреком сказал:

– Нехорошо, гражданин! Несознательно поступаете! Должны помогать вооруженным силам. Всего-то пять минут! Получите от нас талон и следуйте дальше. Нужно ведь думать не только о себе, но и о стране в целом.

– Что за бред! Это невероятно! Вы что, не видите – мы спешим, мы в хорошей одежде, мы...

– Это займет совсем немного времени, – настойчиво повторил старший лейтенант. – Вы же мужчина! Должны понимать – у нас служба. Сами-то служили?

– У меня гипертония, – буркнул Василевский. – С молодости. Но какое это имеет значение?

– Абсолютно никакого! – подхватил капитан. – Не каждый должен служить, но каждый должен быть гражданином. Это простой и ясный факт. Никогда не поверю, что такие солидные люди могут пренебречь своим долгом. Прошу вас, сударыня! Я помогу вам подняться!

С удивительной настырностью он предложил Елене свою руку и повел ее к грузовику. Ей ужасно не хотелось лезть в грязную несуразную машину, но почему-то ей нравилось прикасаться к локтю настойчивого офицера, крепкому, как кирпич. По ее собственной классификации, этот человек относился к категории стопроцентных мужиков, несмотря даже на уродливую резиновую маску, торчащую на его морде. Рядом с такими Елена всегда таяла. Понятно, что перспективы у нее в отношении капитана никакой не было, но все равно находиться рядом с этим великолепным образчиком мужской породы было приятно.

Старший лейтенант раньше всех ловко поднялся в кузов по металлической лесенке и уже оттуда протянул Елене руку.

– Давайте, это совсем не страшно! – весело проскрипел он сверху.

Капитан слегка подсадил ее, и Елена еще раз подивилась, какие крепкие у него руки. И не успела она даже ойкнуть, как попала в объятия лейтенанта.

– Ну вот и все! – с удовлетворением заключил он, бережно ставя ее на деревянный пол кузова.

Василевский, ворча и ругаясь, поплелся вслед за неисправимой супругой. «Ну что за безнадежная дура! – думал он с раздражением. – Стоит рядом запахнуть мужиком, как она готова лезть за ним хоть в свинарник. Наградил же бог такой тварью! Во, уже там! Придется подняться – без присмотра ее оставлять нельзя».

Капитан помог подняться и ему. Василевский влез в крытый брезентом кузов и с недовольством обнаружил, что внутри абсолютно темно. И еще в машине отчетливо пахло знакомым кисловатым запахом земли и лежалой картошки. Это его озадачило.

«Какая здесь, к дьяволу, дозиметрия? – подумал он. – Или эти дуболомы совсем тронулись от пьянства, или...»

Мысль его внезапно оборвалась, а в груди похолодело. Василевский ясно услышал, как снаружи со знакомым щелчком хлопнула дверца и с еще более знакомым рокотом завелся автомобильный мотор. Зашуршали по асфальту шины, а его собственный «Мерседес» промчался мимо грузовика и быстро затих вдали.

– Моя тачка!! – срывающимся голосом заорал Василевский и одним прыжком махнул через борт грузовика.

Мыслей не было – в голове будто вспыхивал сигнал тревоги. Моя тачка, думал Василевский, ах, гады! Про жену и военных людей в противогазах он в этот момент забыл начисто.

Ноги его коснулись асфальта. Василевскому нечасто приходилось прыгать и вообще заниматься физическими упражнениями. Мода на здоровое тело и литые мышцы еще не дошла до него. Все это он считал блажью, но сейчас плохая физическая подготовка едва не подвела его. Василевский почувствовал резкую боль в левой лодыжке, охнул и присел от боли. К счастью, ему удалось сохранить равновесие и он не растянулся на земле на глазах

у подтянутого капитана, который стоял рядом и с большим любопытством смотрел на него с высоты своего роста.

– Где моя машина?! – выкрикнул Василевский, кривясь от боли и с некоторым усилием распрямляясь.

Капитан промолчал, но быстро оглянулся по сторонам. Василевский тоже оглянулся, не увидел ни своего «Мерседеса», ни сержанта в каске и вдруг все понял.

– Ах, подонки! – заревел он и, хромая, двинулся грудью на капитана. – Угнали мою машину! Это вам с рук не сойдет!

Не помня себя от ярости, Василевский размахнулся, чтобы отвесить капитану хорошую оплеуху, но тот без труда перехватил его руку, слегка отпихнул от себя и, с юмором произнес: «Гражданин, проявляйте сознательность!», с жуткой силой двинул Василевского под дых. У того разом перехватило дыхание, и он без звука рухнул к начищенным сапогам офицера.

– Ну, гражданин Василевский, – укоризненно пробормотал капитан, присаживаясь возле нокаутированного соперника на корточки, – этого я от вас никак не ожидал! Такой приличный человек и машет кулаками... Неприятно!

Зубоскаля себе под нос, капитан быстро обыскал карманы Василевского, забрал бумажник, телефон, наручные часы и снял с пальца золотое обручальное кольцо. Выпрямившись, он зашвырнул телефон подальше в кусты за дорогой, остальное рассовал по своим карманам и без труда отволок беспомощного Василевского в кювет. Сбросив его на дно канавы, он побежал к кабине грузовика, прыгнул за руль, сорвал с лица противогаз и завел мотор. Через секунду тяжелая армейская машина покатила прочь от рокового места.

Проехав метров триста, грузовик снова остановился, и капитан быстро выскочил из кабины. Обежав машину, он поднялся по железной лесенке и заглянул в кузов.

– Ну что? – негромко спросил он. – Все в порядке?

– Фирма веников не вяжет! – ответил из темноты старший лейтенант совсем другим – молодым и бодрым – голосом. – На дороге тихо?

– Сравнительно, – ответил капитан. – Вытаскиваем!

Вдвоем они выволокли из машины вялое женское тело в помятом вечернем платье и с преувеличенной аккуратностью отнесли его в сторону от дороги, уложив на траву.

– Жаль, такая девочка – и без мужика! – заметил капитан, отряхивая руки.

– С чего ты взял?

– А ты этого видел? У него импотенция на физиономии написана. Да и потом, Герман ясно же сказал, что она на мужиков мигом стойку делает. Точно, неудовлетворенная. В хорошее время я бы ею занялся.

– Ты уже занялся, – сказал лейтенант. – Когти рвать надо.

– Тоже верно, – согласился капитан. – Первым делом, как говорится, самолеты... – Он еще раз наклонился к женщине, прислушался к слабому дыханию. – Нет, живая, оклемается!

– А что ей сделается? – махнул рукой лейтенант. – Самка в соку... Ну все, погнали!

А еще через пять-шесть минут грузовик свернул с шоссе на боковую дорогу, промчался через притихшую темную рощу, сделал еще несколько поворотов и остановился на окраине небольшого села возле водонапорной башни.

– Тут вроде? – спросил капитан, вглядываясь в темноту деревенской улицы.

– Где же еще? – уверенно произнес лейтенант, который теперь сидел рядом с ним в кабине. – Вон и дом тот – окна горят. Будем заходить или хрен с ними?

– Зайти все-таки надо, – после короткого раздумья сказал капитан. – Они сейчас пьяные – мало ли что взбрет им в головы? Скажем, что машина на месте, и отвалим...

Лейтенант открыл дверцу, но капитан остановил его.

– Пстой! – негромко сказал он. – Покажи цапки. Любопытно взглянуть. Имею слабость, понимаешь, к камушкам!

Лейтенант усмехнулся, полез в карман и вытащил оттуда бриллиантовое кольцо.

– Приличный навар! – сказал он. – Даже с учетом издержек. А я еще с нее два кольца снял и серьги. Тоже не ширпотреб.

– Классно! – похвалил капитан, рассматривая переливающиеся в отраженном свете бриллианты. – Век бы глядел, честное слово! Слабость у меня к брюликам, Саня!..

– Ты уже говорил! – опять улыбнулся лейтенант и спрятал украшение в карман.

Они тихо вышли из машины и направились к деревенскому дому, в котором, несмотря на поздний час, горели огни. Дверь была не заперта. Лейтенант вошел в сени и заглянул оттуда в комнату, где вокруг обеденного стола сидели трое – двое пьянящих в дым дембелей в расстегнутых кителях и хозяин – тощий мужик с морщинистым, испитым лицом. На столе громоздились куски хлеба, дешевой колбасы, обгрызенные соленые огурцы и пустые бутылки из-под самогона.

Все трое прервали какой-то шумный спор и подняли на вошедшего соловые глаза.

– Слышь, сержант, выдь на пару минут! – негромко позвал лейтенант.

Один из дембелей, здоровенный красномордый парень с сержантскими нашивками, долго и враждебно всматривался в лицо неожиданного гостя, но потом вдруг ощерился в довольной улыбке.

– Ой, тващ старшлейнан! – пробормотал он, еле ворочая языком. – Не признал, извиняюсь!

Пошатнувшись, он поднялся из-за стола, неверными руками попытался подтянуть ремень на поясе, но не нашел его и зигзагом вышел в сени.

– Ну что, у вас тут все тихо? – быстро спросил лейтенант, отворачиваясь от смердящего перегаром воина. – Никто вас не искал?

– П-п-рядок в танковых войсках! – бодро сказал сержант. – Мы тут за ваше здоровье, тващ лейнант! С тварищем капитаном, натурально!..

– Ладно-ладно! Я понял, – перебил его офицер. – В общем, машина ваша у дома стоит. Все с ней в порядке. Вот ключи, не потеряй!

– Ни в коем разе! – поклялся сержант и тут же добавил: – Если когда чего надо – к нам обращайтесь! Мы службу понимаем!

– Это точно! – неопределенным тоном ответил лейтенант и, похлопав служивого по плечу, вышел на улицу.

Увидев его, капитан достал мобильник и набрал номер.

– Герман, мы закончили, подъезжай! – сказал он в трубку. – У нас все о'кей, не сомневайся!

Глава 2

Генерал Орлов возник на пороге кабинета так неожиданно и тихо, что полковник Крячко, готовивший на электроплитке кофе, едва не ошпарил себе колени. Собственно говоря, впечатление на Крячко произвело не появление начальства как такового, а та непривычная бесшумность, с которой начальство на этот раз о себе заявило. Иногда тишина впечатляет сильнее, чем артиллерийские залпы.

– Фу-у, черт! – совсем не по-уставному проговорил полковник Крячко, широко открытыми глазами глядя на начальника главка. – Ну и напугали вы меня, ваше превосходительство!

– Ты еще скажи – стучаться надо! Совсем дисциплину забыли! – проворчал генерал и, повернувшись к полковнику Гурову, который делил кабинет с Крячко, поинтересовался: – А с чего это вы тут такие пугливые стали? От каждого шороха вздрагиваете...

– Да я задумался просто! – с негодованием произнес Крячко, хмуря белесые брови. – Или вы считаете, что раз я оперативный работник, значит, и думать не надо?

Полковник Гуров, уже поднявшийся из-за стола, едва заметно подмигнул генералу и серьезно сказал:

– Стас задумался! Это надо записать в календарь. Все-таки такое нечасто случается, и хотелось бы сохранить в памяти столь знаменательную дату.

– А зачем это ему думать? – с похожей интонацией сказал Орлов. – Что за новости? За него начальство думает.

– Да я не против – пускай думает, – проворчал Крячко, снимая с плитки кофейник. – Только пусть не крадется тихо, как индейский лазутчик. Нервы у нас уже не те, понимаешь... Все-таки чуть не полвека ведем с Гуровым незримый бой, сочувствовать надо, товарищ генерал.

– Может, вам тогда на пенсию бумаги пора оформлять? – спросил генерал. – Или путевочку в санаторий раздобыть – для успокоения нервов?.. Впрочем, шутки в сторону, ребята! Я чего к вам зашел? Еду сейчас в мэрию – очередной координационный совет или как его там... Одним словом, есть в мэрии человек, заинтересованный в нашей работе. Ну, знаете, о ком я говорю. Он обязательно начнет меня спрашивать, как продвинулось дело. Хорошо бы сказать ему что-нибудь. Заместитель мэра – это все-таки фигура!

Оперативники переглянулись. Потом Крячко пожал плечами, а Гуров невозмутимо ответил:

– Так скажи, что продвигается, Петр Николаевич! Куда же оно денется? Продвигается, мол, в нужном направлении и с запланированной скоростью. В соответствующее время все точки над «и» будут расставлены.

– А поконкретнее? – нетерпеливо спросил генерал. – Или это все, что у вас имеется? Что вы успели сделать? И вообще, напомните-ка мне обстоятельства. Я, честно говоря, ухватил только в общих чертах эту историю – голова другим была занята. – Он посмотрел на наручные часы. – Минут десять у меня в запасе имеется, так что давай, Лева, излагай!

Он по-хозяйски уселся на скрипучий стул и требовательно уставился на Гурова. Тот подошел к карте Московской области, которая висела на стене кабинета, и ткнул в нее карандашом.

– Вот здесь, на этом шоссе, все и произошло, – сказал он, оборачиваясь к генералу. – Двадцать шестого сентября, в субботу, поздно вечером. И всего-то в каких-нибудь двадцати километрах от Москвы! Двое ехали на новеньком «Мерседесе» – обращаю на это особое внимание, – направляясь в поселок Красная Звезда. Это новый элитный поселок, построенный совсем недавно в рекордные сроки. Говорят, там проживает много отставных военных

– отсюда и название. Наш фигурант военным не является. Это бизнесмен – Василевский Леонид Данилович, сорока пяти лет, уроженец столицы. Владеет несколькими магазинами дорогой одежды. Доход, судя по всему, имеет неплохой.

– Ты говоришь, «Мерседес» у него новый? – перебил генерал. – Сколько накатал?

– Не уточнял, – сказал Гуров. – Но подозреваю, что сейчас на нем накрутят больше, чем это успел сделать Василевский. Не больше месяца «Мерседесу». Было.

– Понятно, значит, на тачку позарились! – заключил Орлов. – По своим каналам пытались узнать, чьих это рук дело?

– Была такая попытка, – кивнул Гуров. – Но с самого начала стало ясно, что узнавать бесполезно. Это не профессионалы работали.

– Откуда такая уверенность?

– Понимаешь, Петр Николаевич, – слегка нахмурившись, принялся объяснять Гуров. – Тут все обстоятельства на это указывают. Ничего подобного до сих пор не наблюдалось, и уж, во всяком случае, это не почерк тех угонщиков, которые нам известны. Если бы последствия не были так серьезны, то я бы сказал, что это преступление чем-то напоминает мне капустник с переодеванием и незамысловатыми шуточками... Но расчет в замысле присутствует, это однозначно.

– Вот как? И что же это за расчет?

– Значит, так, Василевский вместе с молодой супругой возвращались с какой-то закрытой вечеринки. Вечеринка устраивалась в одном из ночных клубов, куда не всякий смертный может попасть. Потерпевший откровенно признал, что пошел на эту встречу с целью завязать полезные знакомства. Вообще, по его словам, праздного времяпрепровождения не любит и даже спиртного старается не пить. В подробности он не вдавался, но можно понять, что вечеринкой этой он был разочарован. Уехали они с женой домой часов в одиннадцать, а в двенадцатом часу их остановили на шоссе военные...

– Да, об этом я знаю, – кивнул генерал. – Это и в самом деле были военные?

– Василевский утверждает, что вначале сомнений у него не было. Выправка, манеры, форма – у этих людей все было, как у настоящих военных. Кстати, на месте присутствовал и военный грузовик – к сожалению, Василевский не обратил внимания на номер. Сомнения начались у него тогда, когда его с женой попросили покинуть «Мерседес» и пройти дозиметрический контроль в военной машине.

– Дозиметрический контроль?! – Генерал поднял брови. – Это что-то новенькое! У нас здесь что – Чернобыль?

– Думаю, они намеренно избрали такой предлог. Одновременно грозный и малопонятный. К тому же нужно учитывать психологию нашего человека. Как ни ругают у нас армию и милицию, но при появлении человека в погонах все невольно подтягивают живот и распрямляют плечи. Одним словом, потерпевшие подчинились и проследовали на «дозиметрический контроль». Кончилось дело тем, что липовые военные ограбили их подчистую, избили и угнали «Мерседес». Василевские даже не успели понять, что происходит. Мужа преступники бросили сразу на месте, а жену, опьяненную эфиром или хлороформом, отвезли метров на пятьсот подальше и тоже оставили у дороги. Примерно через полчаса их обоих подобрал какой-то дальнобойщик. Оба были живы, но находились в нервном шоке. Василевская и сейчас находится в больнице.

– И что, по-твоему, все это значит? – спросил генерал. – Есть хоть какие-то свидетели?

– Никого. Время было позднее, движение небольшое. Пока нам не удалось выявить ни одного человека, который хотя бы видел стоявшую на обочине военную машину.

– А у самого какие мысли?

– Мысли очень простые, – уверенно сказал Гуров. – Во-первых, кто-то знал, что у Василевского новый «Мерседес», во-вторых, кто-то знал, что именно в этот час он поедет и

именно этим маршрутом, и в-третьих, преступники были, так сказать, любителями. Из этого вывод – искать их надо если не в окружении Василевских, то где-то очень близко.

– А не могли они случайно наскочить на этих артистов?

– Вряд ли. И вот почему. Василевский утверждает, что когда один из псевдвоенных обшаривал его карманы, то назвал его фамилию. Бормотал что-то себе под нос и назвал. Потому это никак нельзя назвать случайностью.

– Но раз они его знают, то и он мог кого-то узнать! – воскликнул генерал. – Что Василевский говорит по этому поводу?

– Ну, в этот день преступников и родная мать не узнала бы, – усмехнулся Гуров. – Они все были в противогазах.

– Вон оно как! – крикнул генерал. – Неплохо придумано. Действительно, на КВН смахивает. А вдруг это и в самом деле военные? Не хочу бросать тень на нашу славную армию, но, как говорится, в семье не без урода. Где-то армейский грузовик они раздобыли же?

– Вот за этот грузовик я и надеюсь уцепиться, – пояснил Гуров. – Противогазы, погоны и даже сапоги – это все дело наживное, и раздобыть их проще простого. Настоящий армейский грузовик – задача посложнее. Однако наши преступники его раздобыли, и у меня имеется предположение, как они могли это сделать. Когда я беседовал с Василевским, он вспомнил, что в кузове грузовика пахло, как в погребе – землей и картошкой. Вот я и подумал, что это может быть машина какой-то части, которая запасает на зиму картофель. То есть они все ее запасают, но я имею в виду – запасает где-то поблизости от места происхождения. Не думаю, что грузовик уводили с другого конца области, это слишком обременительно и опасно. Военную машину вычислить просто.

– Если ты так считаешь, – повел носом генерал, – то почему до сих пор не вычислил?

– Скоро только кошки родят, – встрял в разговор Крячко. – Грузовик – дело времени. Есть у меня дружок, он – командир роты в инженерной части. Я с ним уже связался и попросил разузнать, кто из военных мог запасть в том районе картошку. Обещал позвонить. У них там свое сарафанное радио – никаких официальных запросов делать не надо. Думаю, к обеду информация у нас будет.

– А дальше-то что? – поинтересовался Орлов. – Военные секретами делиться не любят.

– Дальше – по обстановке, – сказал Гуров. – Пока нам важно уяснить, кто мог контактировать с преступниками, кто мог видеть их в лицо? А то глупость получается. Не по описанию же противогазов в розыск их объявлять!

– Ну, добро! – Генерал хлопнул ладонями по коленям и поднялся. – Вижу, что расследование движется семимильными шагами. Дерзайте! Если будут проблемы с военными – мне доложите. Будем выходить на военную прокуратуру. А сейчас мне уже пора.

Он кивнул обоим и вышел из кабинета. Крячко почесал в затылке. На его некрасивом мужицком лице появилось выражение озабоченности.

– Кофе остыл к черту, пока с его превосходительством лясы точили! – сообщил он с огорчением. – Будем подогревать или так выпьем?

– Придется так, – ответил Гуров. – Ехать нужно. В больнице как раз утренний обход закончился, и нам с гражданкой Василевской побеседовать нужно.

Перехватив по чашке остывшего кофе, они поехали в больницу, где в палате люкс отходила от пережитого стресса Елена Василевская. До сих пор Гуров с этой женщиной не встречался и знал о ее существовании только со слов мужа. Однако Василевский говорил о супруге удивительно скупой и даже с некоторым раздражением, из чего Гуров заключил, что семейные отношения у них с женой далеко не безоблачные. Ничего необычного в этом не было – все-таки Елена Василевская была почти на двадцать лет моложе, к тому же она нигде не работала и являлась, видимо, чем-то вроде красивой декорации при деловом муже. При таком раскладе взаимопонимания ожидать не приходится.

Однако разлад между Василевскими мог сыграть положительную роль в расследовании. Бизнесмен был слишком сосредоточен на себе и своих проблемах, чтобы обращать внимание на мелочи, которые были сейчас так важны для Гурова. К тому же он явно осторожничал и о многом недоговаривал. С этим Гурову тоже приходилось нередко сталкиваться – деловые люди неохотно делятся с милицией своими сомнениями и предположениями, опасаясь, что такая откровенность может повредить бизнесу. Их жены, которые тяготятся своим зависимым положением, куда более словоохотливы. На это и рассчитывал Гуров.

В больнице врачи не чинили им с Крячко никаких препон, только попросили обходиться с пациенткой как можно деликатнее.

– У этой молодой женщины, насколько я понимаю, никогда в жизни не было особых сложностей, – объяснил врач. – И тут сразу такое! Конечно, нервная система не выдержала. К счастью, организм у нее молодой, здоровый, и мы надеемся на скорейшее выздоровление. Просто нужно дать ей небольшую передышку. К тому же она сейчас находится под воздействием успокаивающих препаратов и, возможно, сама не захочет беседовать.

– Мы не будем выходить за рамки, – пообещал Гуров. – Всего два-три вопроса.

Однако дальше им с Крячко повезло меньше, потому что едва только они вышли из врачебного кабинета, как в отделении вдруг возник странный переполох, который заставлял предположить то ли прибытие грозной комиссии, то ли возникновение какой-то внештатной ситуации с последующей эвакуацией всех больных и персонала.

Гуров вначале заволновался, но потом, увидев на лицах суетящихся в коридорах медиков счастливые, хотя и несколько напряженные улыбки, понял, что катастрофа отменяется. И действительно, ничего страшного не произошло. Просто вдруг в отделении появился весьма деятельный с виду человек в дорогом костюме, поверх которого был небрежно наброшен белый халат, и уверенным шагом проследовал в палату, где лежала госпожа Василевская. По пути этот человек доброжелательно кивал направо и налево, а заведующему даже пожал руку. За спиной гостя с непроницаемыми лицами следовали крепкие молодые люди официального вида с большими корзинами в руках. В корзинах лежали цветы и фрукты. Через минуту вся группа скрылась в палате, куда до этого направлялись Гуров с Крячко, и пробыла там не менее пяти минут.

За это время Гуров успел вспомнить, что лицо неожиданного посетителя ему определенно знакомо, и лицо это принадлежит заместителю мэра, человеку влиятельному, властному и довольно популярному среди москвичей.

Гуров был удивлен. Господин Василевский при допросе не упоминал, что его семья находится в столь близких отношениях с одним из самых могущественных людей в городской администрации и тот лично навещает прихворнувшую госпожу Василевскую в больнице и даже приносит ей туда цветы в корзине. Все это было достаточно необычно, но, подумав, Гуров решил, что должны иметься веские причины – и на цветы, и на молчание Василевского, значит, не стоит торопить события.

Чиновник не стал задерживаться – его ждали слишком серьезные дела, и вскоре в больнице опять воцарилось спокойствие. Гуров и Крячко наконец-то сумели войти в палату.

В общем-то, они оба немного не то ожидали увидеть. Вместо распластанной на больничных простынях пациентки они обнаружили перед собой молодую интересную особу, одетую хотя свободно, но довольно изысканно, красиво причесанную и накрашенную. На ее лице даже бледности не отмечалось, а в глазах был живой блеск. По-видимому, успокаивающие средства, которые ей тут давали, действовали отлично.

Более того, женщина явно была взволнована только что состоявшимся визитом, и волнение это было приятным. Она улыбалась каким-то тайным мыслям, и хорошего настроения ей не могло испортить даже появление сыщиков. Она милостиво кивнула Гурову и предложила присаживаться. Сама же в этот момент отошла к окну, видимо, чтобы стереть с лица

выражение удовольствия – мало кому нравится раскрываться перед посторонними, особенно женщинам и особенно перед милицией.

Располагаясь в широком мягком кресле, Гуров обратил внимание на корзину с цветами – голубые, белые и алые бутоны были расположены в ней в таком порядке, что неизбежно навевали ассоциации с цветами национального флага. «Государственный человек даже в личной жизни мыслит государственными категориями, – усмехнулся про себя Гуров. – Надеюсь, он не спрятал под фруктами предвыборного плаката или какого-нибудь законопроекта. Это было бы уже слишком».

Тем временем Елена Василевская возвратилась к своим гостям и оценивающе оглядела обоих. Гуров, широкоплечий, в хорошем костюме, с породистым лицом и сединой на висках, больше заинтересовал ее, но, конечно, с заместителем мэра даже ему было трудновато тягаться, поэтому Елена быстро успокоилась и предложила перейти к делу.

– Мне говорили, что вы из милиции, – вздыхая, сказала она. – Понимаю, это ваша работа, но я, честно говоря, не верю, что вы кого-нибудь найдете. Мне просто хочется побыстрее забыть весь этот ужас.

– Ужас лучше всего перешибать другим ужасом, – авторитетно заявил Крячко. – А второй третьим, и вы скоро вообще перестанете чего-либо бояться. Поверьте слову опытного человека.

– Мне не хотелось бы проверять ваши советы на практике, – серьезно сказала Елена.

– Мой коллега шутит, – объяснил Гуров. – Есть у человека такая дурная привычка, вы уж извините. Но бояться вам теперь не стоит, Елена Валентиновна. Подобные испытания на самом деле нечасто выпадают на долю одного человека. Конечно, все это очень неприятно, но, в конце концов, все закончилось относительно благополучно. Будем оптимистами!

– А вы что же, с заместителем мэра знакомы? – вдруг, не удержавшись, спросил Крячко.

Василевская слегка покраснела. От глаз Гурова не укрылось некоторое замешательство, которое вызвал у нее не слишком тактичный вопрос Стаса. Но на этот раз Гуров не стал приходить ей на помощь. Он хотел услышать ответ, но Елена Валентиновна с блеском вышла из положения. Она просто сделала вид, что ничего не слышала, и как ни в чем не бывало заговорила о другом.

– Вас, наверное, интересуют подробности того, что с нами случилось? – вежливо спросила она. – Но я мало что помню. Во-первых, все в голове смешалось, а во-вторых, подробности такие дурацкие, что и вспоминать неудобно. Какие-то молодые люди, незнакомые, воспитанные, хотя и беспредельно циничные... Примет назвать вам не могу, потому что все они были в этих... в противогазах, вот! И еще все они были в форме, так что сами понимаете...

– А голос? Ничей голос не показался вам знакомым? – поинтересовался Гуров.

– Абсолютно. Мне кажется, это были совершенно посторонние люди.

– А вам не показалось странным, что вас караулили в нужное время и в нужном месте? Кто мог знать, что именно в этот час вы будете возвращаться домой?

Елена подняла глаза к потолку и задумалась. Она искренне хотела помочь, но не знала, как.

– Вы знаете, – сказала наконец она, – мы были с мужем на званом вечере в клубе. Кто-то из гостей или обслуги мог быть в курсе. Но неужели... Туда, где мы были, кого попало не пускают. И те, кто там работает, наверное, дорожат местом. Мне трудно представить, чтобы кто-то из них оказался преступником, хотя, наверное, всякое бывает.

– Ясно, – сказал Гуров. – А военных среди ваших знакомых не имеется?

– Муж, по-моему, знаком с какими-то офицерами, но в доме у нас они ни разу не бывали. А я... Откровенно говоря, я по происхождению не москвичка, и все мои здешние знакомые – это в основном знакомые мужа.

– Включая заместителя нашего мэра? – невинным голосом спросил Гуров.

Василевская коротко посмотрела на него, и по этому взгляду Гуров понял, что расположение этой женщины потеряно им навсегда.

– Да, разумеется, – холодно сказала она. – Включая и его тоже. Чужакам приходится заводить знакомства. Иначе здесь не выжить.

– Это верно, – хохотнул Крячко. – Мы ведь и сами чужаки, как вы выразились. Только благодаря знакомствам и существуем.

– Видимо, вы очень дружны с этим человеком? – продолжил Гуров, не обращая внимания на импровизации Крячко.

Василевская недовольно дернула подбородком:

– Дружны – не дружны... Какое это имеет отношение к тому, что с нами случилось? Не заместителя же мэра вы подозреваете?

– Ну что вы! Ни в коем случае! – поднял руки Гуров. – Просто когда видишь такого человека, всегда любопытно узнать о нем побольше. Вдруг, как говорится, сведет судьба?

– Ну разве что... – вздернула красивый носик Василевская.

Крячко юмористически покосился на Гурова, смущенно покашлял и простодушно сказал:

– А по мне, так бог с ним, с вашим знакомым! Суть не в нем. Давайте о вас. Говорят, с вас все драгоценности снимали? На много нагрели? То есть, извиняюсь, сумма похищенного велика?

– Да, не маленькая! – гордо сказала Василевская. – Бриллиантовое кольцо, кольца, серьги... Сто пятьдесят тысяч долларов как минимум. Но это все пустяки – ведь они новый «Мерседес» угнали.

– Это хорошо, – кивнул Крячко. – То есть, я хочу сказать, это хорошо, что вы свои украшения хорошо знаете. Вы нам их подробное описание составьте – искать легче будет. Драгоценные камушки, в отличие от простых камней, имеют одну особенность – всплывают они иногда, понимаете?

– Да ради бога! – пожала плечами Василевская. – Только надежнее будет с мужем об этом поговорить – все эти драгоценности он покупал. У него и бумаги какие-то имеются на них, сертификаты, что ли.

– В самом деле? Это замечательно! – воскликнул Крячко. – Люблю обстоятельных людей! А что вы? Неужели ничем нас так и не порадуете? Может быть, вспомните какую-нибудь мелочь? Ну, что с вами лично произошло, когда вы в машину поднялись, в кузов? Что потом было?

– Да что было? – нахмурилась Василевская. – Что там могло быть? Грязная машина, темнота... И я как дура... Прижали мне к лицу какую-то тряпку – я и отключилась. В себя пришла уже на воздухе. Они меня с дороги в кусты тащили. Я напугалась страшно – сделала вид, что еще без сознания...

– Может быть, видели что-нибудь? – оживляясь, спросил Гуров. – Слышали?

Лицо Василевской сделалось замкнутым. Она замялась, а потом сказала с усилием:

– Слышала. Похабщину они несли. На мой счет. Только повторять не просите, не стану. А потом сели они на свой грузовик и уехали в другую сторону от Москвы. Вот и все, что я видела и слышала.

Гуров испытующе посмотрел на женщину, а потом доверительно сказал:

– Муж вас, я полагаю, уже навещал? Вы с ним разговаривали? Он вам сказал, что один из налетчиков произносил вслух его фамилию?

На лице Василевской отразилось искреннее удивление.

– Первый раз об этом слышу! Но, если честно, мы с Василевским на эту тему стараемся пока не разговаривать. А фамилия... Я не знаю, кто из них мог его знать. Разве что показывали его кому-то. Не знаю. У него масса знакомых. Но если...

В глазах у нее появилась неуверенность.

– Если нас там ждали специально, значит, мы с мужем находимся под чьим-то пристальным наблюдением?! – с волнением произнесла она. – Значит, это может в любой момент повториться?

– Не думаю, – покачал головой Гуров. – Преступники редко совершают повторные нападения на своих жертв. Ну разве что в исключительных случаях. Как бы то ни было, обещаю вам, что мы поймаем их раньше, чем подобная мысль придет им в их лихие головы.

– Да? – с сомнением сказала Василевская. – Вы уж постарайтесь, пожалуйста. Я ведь теперь даже на улицу боюсь выходить.

– Да выходите свободно! – без церемоний разрешил Крячко. – Только старайтесь поменьше цацек на себя надевать. То есть я имел в виду – украшений... Бандиты на них слетаются, как мухи на мед.

Василевская посмотрела на него с ужасом, и Гуров понял, что пора заканчивать беседу.

– Спасибо за информацию, – сказал он, поднимаясь. – Извините, что побеспокоили. Желаем скорейшего выздоровления.

Василевская выпроводила их с видимым облегчением. Результаты визита не удовлетворили и ее тоже.

Выйдя из больницы, Крячко первым делом скептически хмыкнул и сказал:

– Да-а!.. Поговорили, что называется! А знаешь, Лева, похоже, у нас с тобой назревает большой и неприятный всяк. Тебе не кажется?

– Под лежащий камень вода не течет, – буркнул Гуров. – А тебе если что кажется, ты крестись – говорят, помогает.

– У меня знаешь какое ощущение? – принялся объясняться Крячко. – Что это разовая была акция, штучная. Кто-то из многих знакомых Василевского решил пошутить. Может, обзавидовался, а может, криминальное прошлое разыграло. Сам знаешь, каковы у нас деловые круги. Вот этот знакомый и нанял тройку ребят с юмором. И им навар, и знакомому приятно. Я сам замечал, как на душе легчает, когда ближнему плохо. Это даже ни с какой выпивкой не сравнить.

– Хорош трепаться! – оборвал его Гуров, который все больше хмурился. – У нас теперь только одна цель – машину искать военную, картофелевозку проклятую. Поэтому давай не будем ждать, когда твое сарафанное радио о себе заявит. Звони дружку прямо сейчас, а я с дежурной частью свяжусь – не обнаружена ли где-нибудь за эти дни брошенная машина с военным номером...

Они уселись в гуровский «Пежо» и принялись звонить каждый по своему номеру. Гуров со своим звонком разделался быстро – в сводках происшествий машина с военными номерами не фигурировала. Даже ничего похожего не было.

Крячко пришлось попотеть. Его приятель-военный нашелся далеко не сразу и разговаривал с явной неохотой – по-видимому, обстоятельства службы мешали. Но все-таки кое-что ценное он Крячко сообщил.

– Гриша говорит, что если речь идет о том районе, где напали на Василевских, то там пасется только одна часть – учебка ПВО. Она и расположена где-то там неподалеку. Они затариваются картошкой в ОАО «Весна». Командир части с ее начальником вась-вась.

– Откуда твой приятель может знать такие подробности? – недоверчиво спросил Гуров. – Он же инженер, а не разведчик.

– Он заведует тыловой службой, – важно сказал Крячко. – Это тебе не гусь чихнул. Он все про всех знает. Особенно кто, где и что запасает.

– Ну что же, тогда прямой резон наведаться прямо в учебку, – заявил Гуров. – Пока неофициально. Надеюсь, они там не откажутся побеседовать по душам. А дальше жизнь покажет.

Глава 3

Дверь приоткрылась, и в комнату просунул нос Чумаченко.

– Владимир Сергеевич! Машина прибыла! – заговорщицким шепотом сообщил он. – Пора уже.

Рудницкий, не оборачиваясь, еще раз оглядел себя в зеркале, одернул белоснежные манжеты. Все вроде было на месте, собственное лицо ему сегодня тоже особенно нравилось – одухотворенное, с легкой томностью в глазах, – и парикмахер постарался на славу. Костюм, пожалуй, был чересчур бросок, но, в конце концов, он человек сцены, и это должно чувствоваться.

– Ладно, я слышу! – сказал он капризно, приглаживая невидимый волосок на макушке. – Какая машина?

– «БМВ», Владимир Сергеевич! – успокоил его Чумаченко. – Последней модели. Водитель, охранник, все как положено. Не беспокойтесь, заказ верный, клиенты солидные, вас просто обожают! Гонорар сразу – пятнадцать тысяч, я все условия уже обговорил. И с концерта сами в гостиницу отвезут.

– Смотри у меня! – грозно сказал Рудницкий. – Получится, как в прошлый раз, – выгоню на хрен! Какой ты, к чертовой матери, менеджер!

– Ну что вы, Владимир Сергеевич! – сделал круглые глаза Чумаченко. – Прошлый раз – это не более чем досадная случайность. С вашей стороны просто безжалостно постоянно напоминать мне об этом! Я ведь в лепешку расшибаюсь, чтобы найти вам условия получше, а вы не цените! Даже обидно! – В голосе его проскользнула истерическая нотка.

– Ладно-ладно! – замахал руками Рудницкий. – Я все понял. Мы много лет с тобой работаем, Слава, я с тобой, можно сказать, сроднился, но для меня, для человека сцены, творчество прежде всего. Я должен нести свою песню людям! Простой меня убивают – помни об этом. Во мне артист умирает!

Чумаченко пожал плечами, показывая, что судьба артиста для него далеко не безразлична, и еще раз заверил, что нынешним вечером все будет в порядке.

– Публика – не какая-нибудь «братва», – объяснил он. – Люди солидные. Капитал! Слово если дают – железно. Только пора нам, Владимир Сергеевич! Ждать они не любят.

– Да иду я! – с некоторым раздражением сказал Рудницкий. – Репертуар тоже обговорил? Я импровизировать не люблю, ты знаешь...

– Все путем! – горячо сказал Чумаченко. – И оркестр у них там свой – профессионалы! Репертуар ваш знают от и до. Даже не сомневайтесь, Владимир Сергеевич!

Рудницкий наконец сдался. Поправив напоследок галстук, он надел плащ и вальяжной походкой направился вслед за своим менеджером, весь в предвкушении скорого триумфа и гонорара, и только одно огорчало его – в коридорах гостиницы и в просторном вестибюле ни один человек не обратил на него внимания. А ведь он помнил время, когда и вся Москва была оклеена его афишами – «Владимир Рудницкий и инструментальный ансамбль „Карусель“». Программа „Осенний сон“. Аншлаги, поклонницы... Да-а, было времечко! Жаль, быстро прошло. Но у него остался свой слушатель, его по-прежнему любят. Это уже не истеричные школьницы в коротких юбках, это солидная публика, сумевшая хорошо устроиться в жизни. Вчерашние школьницы стали женами, но песни молодости нужны им до сих пор. И пока эти люди живы, и он не пропадет. Кусок хлеба с маслом и икрой ему обеспечен. Жаль только, в поисках этого куска приходится постоянно разъезжать и ютиться в гостиницах. А так уже хочется стабильности и покоя...

Впрочем, по дороге до ночного клуба, где должно было состояться выступление, Рудницкий получил возможность расслабиться. Убаюканный размеренным движением, он

откинулся на ароматные кожаные подушки и прикрыл глаза. Даже суетливый Чумаченко не доставал его ничем и не задавал дурацких вопросов, на которые был мастер. Например, мог в самую неподходящую минуту спросить: «А как вы думаете, Владимир Сергеевич, если бы не русский мороз в тысяча восемьсот двенадцатом, какова бы могла быть сейчас карта Европы?» И его нисколько не волновало, что Рудницкому не было никакого дела ни до Европы, ни до страданий наполеоновских войск на русских равнинах – своих страданий хватало.

Чумаченко тоже волновался. На его взгляд, акции их с Рудницким падали – медленно, но верно. Он соглашался с тем, что аудитория у них имелась, но с каждым годом собирать ее становилось все труднее, и платила она все неохотнее и все менее щедро. Сегодняшний вечер был скорее исключением из правил. Рудницкий не желал видеть очевидного и капризничал, как в старые добрые времена. Чумаченко прекрасно понимал, что все обещания певца уволить своего верного менеджера – не более чем рисовка, но дело было в том, что Чумаченко сам был уже не прочь уволиться. Смущало его только одно обстоятельство – Рудницкий без него был совершенно беспомощен. Из соображений гуманизма Чумаченко никак не решался выполнить свое намерение и все тянул, ожидая какого-нибудь удобного случая, который помог бы им с Рудницким расстаться.

Впрочем, бывали у них и счастливые минуты – такие, как сейчас, когда будущее не казалось совсем уж мрачным, а где-то впереди брезжил розовый свет надежды. Правда, в отличие от Рудницкого, Чумаченко не мог расслабиться, пока обещанные деньги не окажутся в его руках. Вся жизнь его была завязана на деньгах, эти неудержимые всесильные бумажки кружили его в каком-то бешеном хороводе, не давая ни минуты покоя. Просто ему никогда не удавалось собрать их столько, сколько требовалось для беззаботной жизни. Всегда что-то мешало. Кое-что Чумаченко откладывал себе на черный день, но иногда он с грустью думал, что любой прожитый им день с полным правом можно назвать черным, и жалел, что не умел жить по-другому.

Вот и теперь, уйдя в себя, Чумаченко на самом деле сидел словно на иголках, просчитывая варианты и строя планы. Только когда они оказались на месте и их встретили солидные благожелательные люди, проводили в комнату, где на столе стояла бутылка дорогого коньяка и фрукты, когда выяснилось, что оркестр полностью на месте и гости с нетерпением ждут певца, Чумаченко наконец почувствовал себя лучше.

Насколько ему было известно, в клубе праздновали день рождения какого-то короля таблеток. Так про себя называл его Чумаченко, потому что не любил слова «фармацевт». Он не мог это чисто выговорить. Некоторые слова не давались ему с детства, хотя дебилом его никто не рискнул бы назвать. Он был смышленным ребенком. Собственно говоря, никто тут и не заставлял его произносить слово «фармацевт». Чумаченко вообще не пустили в главное помещение, где стояли столы, где произносились тосты и где Рудницкий под звон меди и переборы струн выпевал бархатным голосом свой sentimentalный репертуар. Чумаченко из-за этого не расстраивался – хозяева с самого начала полностью с ним расплатились да еще и позволили на халяву посидеть в баре на первом этаже. Бармен здесь был под стать всей остальной публике – похожий на английского дворецкого мужчина с седыми висками, спокойный и внимательный, не гнуший из себя царя природы на манер той шушеры, что смешивает коктейли в модных клубах. Он обслуживал Чумаченко так, словно тот платил за напитки звонкой монетой, и даже о погоде с ним побеседовал.

А Чумаченко многого и не надо было. Он потягивал у стойки обжигающий виски за счет заведения, нежно поглаживал хрустящие во внутреннем кармане купюры и вполуха слушал, как где-то за стеной Рудницкий с чувством выпевает про ушедшую любовь. На душе у Чумаченко было тепло и уютно. О том, что будет завтра, он старался не думать.

«Вот так, прошла любовь, увяли помидоры, – растроганно рассуждал он про себя. – Володя знает, о чем поет! Оттого и получается душевно. Только никому этого сегодня не надо. То есть сегодня почти никому. А завтра совсем никому. И что мы тогда запоем? То-то и оно... Ну да на хрен сомненья! Сегодня мы сорвали банк, и ладно. Будем гулять и пить вино. Вот так».

Он еще отхлебнул из стакана и вдруг обнаружил рядом с собой у стойки высокого симпатичного человека в элегантном костюме, загорелого, с аккуратной шкиперской бородкой, в больших дымчатых очках. Человек с приветливой улыбкой смотрел на Чумаченко.

Чумаченко потер нос и, заинтригованный, спросил:

– Мы знакомы?

– Кажется, нет, – приятным голосом сказал незнакомец. – Но давайте попробуем это исправить. Не возражаете, если я закажу вам что-нибудь?

Чумаченко посмотрел на свой стакан, в котором оставалось чуть на донышке, и невольно хихикнул. «Удачный день, – подумал он. – Кругом халява».

– Да ладно, – сказал он. – Лучше я закажу. У меня тут свободный доступ, – заговорщицки пояснил он.

– Понимаю, – кивнул незнакомец. – Но в таком случае заказывать буду все-таки я. Так будет приличнее. Не стоит злоупотреблять гостеприимством. Это еще Заратустра сказал.

Он махнул бармену и попросил его налить два виски. Чокаясь с Чумаченко, он представился:

– Моя фамилия Ларин. Ларин Николай Иванович. Работаю в одной серьезной фирме в Подмоскowie. Мы выделяем кожу. Заказы по всей стране и за рубежом. Не стану раскрывать коммерческих тайн, но, поверьте, оборот у нас очень приличный. Я там в совете акционеров.

– Очень приятно. А я – Чумаченко Илья Павлович... Слышите чудесные звуки? Это Рудницкий поет. Мы с ним в одной связке. Я у него продюсер, менеджер – называйте, как хотите.

– Вы знаете, а я в курсе, – улыбнулся Ларин. – Если честно, то я к вам неспроста подсел. Есть у меня один корыстный интерес.

– М-да? – немного удивился Чумаченко и не удержался, чтобы не сострить: – Боюсь, не три шкуры ли хотите с меня содрать?

Ларин жизнерадостно рассмеялся и по-дружески хлопнул Чумаченко по плечу.

– А вы остроумный человек! – одобчительно сказал он. – Я люблю остроумных людей. И, знаете, в каком-то смысле вы попали в точку. Шкуру не шкуру, а вот концертик с вас содрать мы хотели бы. У нас, конечно, не столица, но обещаю – примем по первому разряду. Тут такое дело – у нашего шефа юбилей, и мы решили ему сюрприз сделать. Он Рудницкого обожает. Все его пластинки собрал. Но о том, что можно любимые песни живьем послушать, он даже не задумывается. Вот мы и решили порадовать старика. Он просто с ума сойдет от восторга. Можно будет сделать такой финт?

Сердце у Чумаченко радостно забилося. «Сегодня мне определенно фартит! – подумал он. – Давай, Илюха! Такой шанс упускать нельзя».

Но внешне своей радости он ничем не обнаружил. Тон его сделался деловым и равнодушным. Чумаченко умел торговаться. Ларин оказался сговорчивым и за ценой не стоял. Сошлись на двадцати тысячах плюс транспортные расходы за счет заказчика. Оставалось обговорить сроки и детали.

– Обсудим это завтра – на свежую голову, – предложил Ларин. – Я, между прочим, остановился в той же гостинице, что и вы. Предлагаю сегодня посидеть там в ресторане, в узком кругу, чтобы поближе узнать друг друга... К тому же, не скрою, для меня будет лестно пообщаться со звездой эстрады. Как вы думаете, Владимир Сергеевич не будет против?

Чумаченко без колебаний ответил, что не будет, но напомнил Ларину, что ресторан в гостинице закрывается в полночь и посидеть там не удастся.

– Тем лучше, – заметил Ларин. – Отметим по-домашнему. У меня большой номер. Если не побрезгуете – организуем все у меня.

Они еще выпили и поговорили о погоде – ни о чем другом Чумаченко принципиально не хотел разговаривать там, где пахло деньгами. Он чувствовал легкое опьянение и боялся неосторожным словом выдать слабость их с Рудницким позиции. Погода в этом смысле была самой верной темой.

А в клубе веселились до двух часов ночи. Рудницкому пришлось постараться – его не раз вызывали на бис. Когда все закончилось, он появился перед Чумаченко усталый, но чрезвычайно довольный. Когда же Рудницкого познакомили еще с одним поклонником его таланта и намекнули на денежные перспективы в самом недалеком будущем, он вообще воодушевился. У входа в клуб, как и было обусловлено, их ждала машина, и Рудницкий посчитал совершенно естественным, что новый знакомый поедет вместе с ними, тем более что, как выяснилось, проживает он в той же самой гостинице.

Душевно распрощались с хозяевами и, оживленно беседуя, уселись в автомобиль. Поскольку их провожали, присутствие третьего человека не вызвало вопросов ни у водителя, ни у охранника. Они оба были людьми молчаливыми, не привыкшими задавать лишних вопросов.

Поездка по ночной Москве не заняла много времени. Правда, за Садовым кольцом Ларин вдруг попросил остановить машину и, выйдя на тротуар, попросил подождать его две минуты.

– Здесь совсем рядом у нашей фирмы что-то вроде представительства, – шутливо сказал он. – Я только кое-что возьму и сразу назад. Я мигом.

Приветливо помахав рукой, он скрылся в подъезде спящего дома. Чумаченко проводил его ословевшим взглядом и подумал, что ему уже не хочется никакого продолжения банкета. «Теперь бы перед сном пересчитать еще раз бабки, – подумал он, – и завалиться часов до одиннадцати. Устал я что-то! Старость не радость, как говорится... Но придется терпеть. Такого клиента упускать нельзя. Солидный клиент. Видишь, представительство у них! Просто субъект Федерации какой-то!»

Ларин задержался несколько дольше, чем обещал. Рудницкий, которому хотелось общения, занервничал. Лишь охрана сохраняла полную невозмутимость. Если бы кому-то из пассажиров пришла в голову мысль не ждать и ехать дальше – они бы немедленно поехали, но такая мысль ни в голову Рудницкому, ни в голову Чумаченко прийти, конечно, не могла. Они готовы были потерпеть немного.

Ларин появился из темноты неожиданно и не с той стороны, с какой его ждали. К удивлению Чумаченко, он не сел в машину, а с озабоченным видом наклонился к окошечку, за которым неподвижно, как Будда, сидел охранник. В руках Ларин держал какой-то пакет – совсем небольшой, – и никто не обратил на него внимания. Но когда охранник с невозмутимым видом опустил до половины стекло, Ларин вдруг выхватил из пакета какой-то предмет и торопливо, но ловко бросил его в салон «БМВ».

Чумаченко слышал, как эта странная штукавина со стуком провалилась куда-то под сиденья. И тотчас замкнутое пространство вокруг него начало наполняться ядовитым, раздрающим легким дымом. Из глаз Чумаченко ручьем хлынули слезы, а горло точно перехватило веревкой. Нечем было дышать, и было полное ощущение, будто тело погрузили в чан с кипящей перцовой настойкой. Единственное, что в этот момент мог сообразить и предпринять Чумаченко, – это вырваться из машины на свежий воздух, и он попытался это сделать, но сбоку на него, задыхаясь и кашляя, навалился Рудницкий, тяжелый, точно шкаф, а у Чумаченко абсолютно не было сил сдвинуть его с места.

Впрочем, в «БМВ» всем пришлось несладко, и первым и единственным желанием каждого было вырваться из отравленной жестянки. И водитель и охранник попытались открыть дверцы, но с первой попытки им не удалось этого сделать – набежавшие откуда-то непонятные люди блокировали машину со всех сторон, – а на вторую попытку ни у кого просто не было сил. Все, кто находился в машине, уже почти теряли сознание. «БМВ» был словно накачан зеленоватым едким газом, который ослеплял и выворачивал наизнанку внутренности.

Чумаченко уже не понимал, мерещится ли это ему или же на самом деле дверцы машины наконец распахнулись и кто-то выволок наружу обессиленных охранника и водителя. Дальше Чумаченко слышал, как хлопнула крышка багажника, но опять не мог сообразить – на самом ли деле она хлопнула или это просто стучит у него в голове. Он в беспмятстве валялся в машине, придавленный тушей задыхающегося Рудницкого, и ждал смерти.

И тут неожиданно в машину стали усаживаться люди. Их, похоже, нисколько не смущала отравленная атмосфера. Они вели себя так, будто ничего особенного не произошло. Двое сели впереди, а третий плюхнулся на заднее сиденье, бесцеремонно растолкав скорчившихся там Рудницкого и Чумаченко. Он попросту затолкал их обоих под сиденье, а сам уселся посередине.

– Запираю двери! – предупреждая пробормотал странный, с металлическим оттенком голос, и машина тут же сорвалась с места.

Прошло около пяти долгих минут, пока ветер, врывающийся в приоткрытые окна, немного развеял ядовитые испарения и Чумаченко смог самую малость продрать глаза. Сквозь потоки слез он увидел над собой тень человека в плаще, который умудрялся не испытывать никаких отрицательных эмоций по поводу струящегося по салону слезоточивого газа. Объяснялось это все достаточно просто, хотя и неожиданно – на физиономии этого человека красовалась резиновая маска противогаза. Других налетчиков Чумаченко видеть не мог, но сообразил, что экипированы они не хуже. Машина свободно мчалась по ночной Москве, и управляла ею уверенная рука.

Человек в противогазе заметил, что Чумаченко начинает подавать признаки жизни, и тотчас им занялся. Нет, он не стал оказывать ему помощь или спрашивать о самочувствии. Вместо этого он деловито обыскал его карманы, и все их содержимое в одну секунду перекочевало в его жадные руки. Чумаченко еще слабо соображал, но даже в таком состоянии понял, что происходит нечто страшное и они с Рудницким остаются без гроша. Это был крах абсолютный, и Чумаченко не мог этого допустить. Он негодуя замычал и попытался вцепиться зубами в лодыжку вора, но у него ничего не вышло, а человек в противогазе, выругавшись, больно ударил его по голове кулаком. Перед глазами Чумаченко вспыхнула огненная дуга, он ткнулся затылком в какую-то железку и затих.

Рудницкий то ли уже умер, то ли притворялся мертвым, но он никак не отреагировал на потрошение собственных карманов. Это окончательно лишило Чумаченко желания о чем-то беспокоиться и сопротивляться. Он смирился с неизбежным и, лежа на дне салона, тупо молил лишь об одном – чтобы злоумышленников задержала по дороге милиция. Чумаченко знал, что милиции в Москве хоть пруд пруди и такая возможность отнюдь не фантастична. Но из жизненного опыта он также знал, что нужные вещи не происходят в нужный момент, а московская милиция появляется вовсе не тогда, когда в ней нуждаются. Поэтому и молитвы его были не слишком вдохновенными.

Как в конце концов выяснилось, напрягаться ему действительно не было смысла. Машина, в которой сидели бандиты, беспрепятственно пересекла ночную Москву и так же беспрепятственно выехала из города. Вполне возможно, номер этой машины был хорошо известен гаишникам, которые предпочитают не вставать на пути у сильных мира сего. Впервые Чумаченко пожалел, что не попросил у клиентов автомобиля попроще. Ехали бы они

сейчас на задрипанном «Москвиче», глядишь, и люди в погонах проявили бы к ним нездоровый интерес. А так получилось, что бандюгам была просто открыта зеленая улица.

Попыток подняться и по-человечески расположиться на сиденье ни Чумаченко, ни Рудницкий не делали, а поэтому не могли контролировать, как далеко и в каком направлении они едут. Путешествие показалось им бесконечным.

Однако когда Чумаченко уже начинал впадать в забытие от однообразия и гладкости движения, машина вдруг сбавила скорость и плавно затормозила.

– Станция Березай! – с неестественным смехом сказал кто-то из бандитов.

Они открыли все дверцы, и внутрь ворвался свежий ночной воздух.

– Выползай, богема! – скомандовал Чумаченко сосед в противогазе и легким пинком помог ему это сделать.

Вслед за своим менеджером на обочину выпал и сам певец. Чумаченко помог ему подняться, и они, придерживаясь друг за друга, со страхом оглянулись по сторонам.

«БМВ» стоял на какой-то проселочной дороге среди негустой рощи. На черном небе россыпью сияли мелкие звезды. Чуть поодаль, за рощей, проходило, судя по всему, главное шоссе, и оттуда доносился равномерный рокот тяжелых моторов – ехали дальнбойщики. Ехали они мимо и даже не подозревали, какая драма разыгрывается всего в какой-то сотне метров от них.

Чумаченко тошнило, глаза его все еще наполнялись слезами, грудь будто когтями рвало, и вообще жизнь сейчас не казалась ему такой заманчивой, как час назад. Он подозревал, что в это глухое место их привезли убивать, но никаких сожалений по этому поводу не испытывал. Он так вымотался, что был согласен умереть. Что думал Рудницкий, неизвестно, но чувствовал он себя даже хуже, чем менеджер.

Бандиты, однако, не спешили расправиться с ними. Не снимая противогазов, они выбрались из машины и открыли багажник. Оттуда молча возникли водитель и охранник, основательно помятые, со связанными руками. Чумаченко невольно удивился, осознав, что на свете есть люди, которым пришлось хуже, чем ему, и эти люди находятся совсем рядом.

Тем временем бандиты отвели водителя с охранником подальше от дороги и о чем-то негромко их предупредили. Чумаченко слышал только металлическое дребезжание пластины в противогазе. Ему было безразлично, о чем идет речь.

Бандиты повернулись и пошли к машине. Чумаченко невольно втянул голову в плечи, но троица в уродливых масках прошла мимо, даже не взглянув в его сторону.

Бандиты уселись в «БМВ», завели мотор и, развернувшись, поехали в сторону главного шоссе. Через минуту, мигнув на прощание, красные огоньки стоп-сигналов исчезли. Чумаченко тупо глядел им вслед, не в силах поверить, что опасность уже миновала. Рудницкий тихо всхлипывал рядом с ним. Они продолжали стоять, вцепившись друг в друга, не двигаясь и не произнося ни слова, пока наконец с обочины не донесся хриплый голос охранника:

– Вы там заснули, что ли, лохи персидские? Ну-ка руки нам развяжите!

Глава 4

Гуров уважал доблестную Красную армию, но офицер, бывший дежурным по части ПВО в тот несчастливый день, когда они с Крячко туда наведались, взбесил его до предела. Разумеется, внешне Гуров этого никак не продемонстрировал (он вообще старался избегать явного проявления сильных чувств), но в душе у него закипело уже после пяти минут разговора с этим, как Гуров мысленно назвал его, «долдоном». Разговор велся на КПП, в присутствии двух замурзанных рядовых, которые время от времени убегали по очереди открывать ворота.

Офицер был худощав, жилист, носил капитанские погоны, а в его серых глазах читалось недоверие ко всему миру. Все его поведение как бы говорило – кругом одни мошенники, но меня хрен проведешь, даже и пытаться не стоит.

Однако Гуров с Крячко все-таки попытались. Прежде всего они захотели выяснить, не могут ли они поговорить с кем-нибудь из начальства.

– С начальником части или с заместителем, – предположил Гуров. – На худой конец, с тем, кто заведует у вас автопарком.

– Исключено, – без раздумий заявил неприступный капитан. – Начальник в Москве. Замы тоже. Командир автороты выехал.

Взгляд его почти бесцветных глаз равнодушно прошелся по потолку над головой Гурова и застыл в конце концов где-то в районе его переносицы. На капитана ПВО должности и звания московского оперуполномоченного не производили никакого впечатления.

– Незадача! – сдерживаясь, сказал Гуров. – Неужели никого из начальства нет? Кто же у вас за часть сейчас отвечает?

– Допустим, я отвечаю, – сказал офицер. – Капитан Чекашин. А вы по какому вопросу?

– Вопрос очень простой, дружище! – высунулся вперед Крячко. – Тут у вас неподалеку, говорят, картофельное поле существует, на котором вы овощи к зиме запасаете.

Капитан недоверчиво уставился на него:

– Допустим, запасаете. А какое это имеет отношение...

– Имеет-имеет! – подхватил Крячко. – Вы, значит, своими силами запасаете? Ну, то есть погрузка, транспорт – все ваше, насколько я понимаю?

– Допустим, наше, а вам-то что за дело? Все законно, у нас в этом плане все бумаги подписаны. Тыловики держат ситуацию под контролем. В чем вопрос?

– Вопрос в том, что не могло ли быть такого случая, когда транспортом части могли воспользоваться посторонние? – спросил Гуров. – Например, нанять его для каких-то личных нужд?

– Исключено! – отрезал офицер, сверля Гурова ледяными глазами.

– А угнать? – тут же добавил Крячко. – Сейчас народ шустрый, на ходу подметки режет.

Капитан Чекашин перевел взгляд на него, заложил руки за спину и сказал свое любимое слово:

– Исключено! Мне о подобных случаях ничего не известно.

– Не известно или не было таких случаев? – попытался уточнить Гуров.

Чекашин браво скрипнул ремнями и, вытянувшись, как струна, отчеканил:

– Докладываю: подобных инцидентов в нашей части не отмечалось! Больше вопросов не имеется?

– Вообще, есть у меня один вопрос, – сказал, почесывая нос, Крячко. – Да не знаю даже, как его задать. Боюсь, обидишься.

– Что такое? – напрягся офицер.

– А ты, вообще, капитан – живой человек или машина? – с невинным видом спросил Крячко. – Сейчас в Японии роботов так насобачились делать – нипочем от человека не отличишь. Она тебе и ходит, и разговаривает, и сапогами скрипит...

Ему-таки удалось пробить брешь в той невидимой крепостной стене, которая окружала капитана. Лицо Чекашина пошло краской, он невольно оглянулся на рядовых, с интересом прислушивавшихся к разговору, и железным тоном провозгласил:

– Посторонних попрошу удалиться с территории части!

Он надвинулся на оперативников с таким непреклонным видом, что им ничего не оставалось, как отступить за пределы КПП. А капитан Чекашин уже кричал злым голосом:

– Ну-ка, боец! Где у вас старший? Где сержант Головкин? Где?.. Какого же... Быстро найти, твою мать! А ты, Беляев, гляди тут – никого не пускать, понял?! Шкуру спущу! Все, побежали!

Рядовой, фамилия которого была Беляев, с усердным видом захлопнул перед носом Гурова дверь. Еще один боец, топоча сапогами, помчался куда-то искать сержанта Головкин, а капитан Чекашин, единственный раз зло оглянувшись на ворота, строевым шагом направился к штабу.

Оперативники отошли в сторонку и задумались. Крячко достал из кармана сигареты и щелкнул зажигалкой.

– Про Японию ты зря вспомнил, – заметил Гуров. – Наша армия к этой стране неравнодушна. Вспомни, как раньше пели – и летели наземь самураи...

– Самурай и есть, – озабоченно сказал Крячко. – К нему как к человеку пришли, а он горбатого лепит. Инцидентов не отмечалось! Да я теперь голову на отсечение дам, что были инциденты. Потому что все врет. И про начальство, и про инциденты...

– Охолопись, – сказал Гуров. – А то ты таких выводов сейчас настрогаешь! Армия – это, знаешь, не моя грядка. Тут хоть тоже погоны носят, но по-другому. В общем-то, я с самого начала полагал, что ничего нам тут не скажут. Придется другим путем идти, как завещал вождь.

Неожиданно дверь КПП растворилась, и оттуда показалось испуганное безусое лицо рядового Беляева. Он зыркнул глазами направо и налево, оглянулся через плечо, а потом все-таки решился и сдавленным голосом произнес:

– Товарищи милиционеры, а товарищи милиционеры! Сигаретку у вас можно попросить? Уши опухли – так курить охота!

Крячко приблизился и протянул солдатику пачку.

– Забирай всю! – сказал он. – Небось шиковать не приходится? Первый год служишь?

– Первые полгода... – вздохнул рядовой, почти выхватывая пачку из рук Крячко. – С мая. Спасибо вам, товарищи милиционеры!

Он еще раз оглянулся через плечо, где через коридор проходной виднелась асфальтовая дорожка, ведущая к штабу, торопливо сунул в рот сигарету и трясущейся рукой зажег спичку.

– Деды лютуют! – доверительно сказал он, глубоко затягиваясь. – Дохнуть не дают. Сержант Головкин вот... – Лицо его омрачилось. – Зверь настоящий. Хоть бы пьяный оказался... Его бы тогда на губу отправили. Затрахал он нас с Санькой в доску!

В голосе его звучала искренняя боль.

– Дед, что ли, – сочувственно поинтересовался Крячко, – Головкин этот?

– Практически дембель, – вздохнул солдат. – У них, у дембелей, крыша вообще на фиг едет. Такое творят... Скорее бы уж их всех отправили, что ли!

– Ладно, три к носу, – посоветовал Крячко. – Рано или поздно всех нас отправят. На дембель, я имею в виду. Главное, ты сам в такого вот Головкин не превратишься, когда придет твое время. Он ведь тоже дембелем не с самого начала стал, наверное?

– Это точно, – согласился Беляев и вдруг, понизив голос и приблизив лицо почти вплотную к лицу оперативника, многозначительно прошептал: – Я вам такое скажу! Только вы меня не продавайте, ладно? Вы у Чекашина про транспорт спрашивали. Но Чекашин вам ни хрена не скажет – это такая гнида, он начальству с утра до вечера жопу лижет! А машину у нас угоняли, которая картошку возила. Точнее, ее Головка напрокат давал. За бабки. Я сам слышал, как деды про это разговаривали.

– Как это напрокат? Кому напрокат? – насторожился Гуров.

– Не знаю кому. Гражданским каким-то. Кому картошку привезти, кому еще что. Головка старшим машины был – вот и гулял. Последний раз вообще крутые бабки срубил – я слышал, как он землякам хвалился.

– Когда был этот последний раз? – быстро спросил Гуров. – Не двадцать шестого сентября, случайно?

Рядовой наморщил лоб.

– Примерно тогда и было, – согласился он наконец и с интересом посмотрел на Гурова. – Сбили на этой машине кого-то, что ли? – Теперь в его голосе звучала надежда.

– Понимаю твое нетерпение, – усмехнулся Гуров. – Но радоваться несчастьям ближнего некрасиво. Это рабское чувство. И правило это действует в любых обстоятельствах, учти. Но раз уж ты нам помог, то скажу тебе по секрету, что кое-какие сомнения относительно вашей части у нас имеются. Хотя никаких выводов даже мы пока не делаем. Рано. И тебе не советуем во избежание неприятностей.

– Я понимаю, – кивнул солдат.

– А как бы нам этого Головка увидеть? – спросил Крячко. – В неформальной, так сказать, обстановке? Существует такая возможность?

– Ага! – серьезно сказал Беляев. – Тут деревня рядом есть. Ветловка называется. Там на краю мужик живет, у которого наши самогон покупают. Головка к нему чуть не каждую ночь в самоволку бегают. И когда картошку возили, тоже там ошивался. Его Карп зовут.

– А фамилия?

– Да какая фамилия! Карп и Карп – его в деревне все знают. Он дешевле всех самогон продает. А солдатам вообще отдает за консервы. Деды, когда на кухне дежурят, мясные консервы ящиками прут и все на самогонку меняют. Головка грозился и сегодня уйти.

– Это с поста-то?

– А что ему? – передернул плечами солдат. – Он в упор никого не видит. И бешеный он, командиры с ним не хотят связываться.

– Понятно, – сказал Гуров и вдруг потянул Крячко за рукав. – Ну, мы пошли. А ты, воин, ступай на пост. По-моему, твой злой гений возвращается.

Беляев испуганно обернулся. Вдалеке на дорожке появились две фигуры в солдатской форме. Беляев слегка побледнел.

– Я пошел, – сказал он. – Вы только меня не продавайте, а то мне труба.

– Мы не из таких, – успокоил его Гуров. – Мы просто на твоего Головка посмотреть хотим хоть одним глазком. Вдруг доведется еще встретиться?

Вот так и получилось, что из-за упрямства капитана Чекашина и неожиданной откровенности затюканного бойца-первогодка Гуров и Крячко оказались тем же вечером на окраине деревни под названием Ветловка.

Они поставили машину возле водонапорной башни, вышли и принялись осматриваться. Небо уже с полудня хмурилось, а теперь еще и начало брызгать мелким, но очень противным дождем. Уже смеркалось. В такую погоду и в темноте вряд ли стоило рассчитывать встретить кого-нибудь на деревенской улице. После короткого раздумья Гуров решил просто зайти в первый же дом и поинтересоваться, где живет самогонщик Карп.

Им повезло сразу же. Едва они постучались в дверь ближайшего дома, как за их спиной из темноты вынырнула долговязая тощая фигура с охапкой дров в руках и направилась напрямик к крыльцу.

– Оп-паньки, гости дорогие! – произнесла фигура не совсем трезвым голосом. – А я – вот он я! Давайте в избу, я тут за дровишками маленько ходил. Зябко что-то стало, кровь не греет, протопить хочу маленько... А вы не стесняйтесь, дуйте прямо в горницу! У меня паркетов не моют! – и он захохотал, чрезвычайно довольный своей шуткой.

«А ведь, пожалуй, это сам Карп и есть, – радостно подумал Гуров, проходя в холодное жилище. – На ловца, как говорится, и зверь бежит. Удачно».

Совсем скоро выяснилось, что он не ошибся. Хозяин дома свалил дрова возле печки и с ходу поинтересовался, сколько самогона гостям нужно. Он ничуть не смутился, не удивлялся и не скрытничал. Наоборот, с большим удовольствием сообщал, что за самогоном к нему ездят даже из самой Москвы.

– Особенно интеллигенция мой напиток уважает, – откровенничал он. – Они там у себя такого хрен увидят! На днях писатель приезжал, гордость России! Фамилию вот забыл маленько... Но человек – сила!

– А у тебя, приятель, реклама поставлена не хуже, чем на НТВ! – удивленно заметил ему Крячко. – У тебя блоки по пять минут или без лимита? До пяти мы можем послушать, но больше ни-ни! Время поджидает.

Карп посмотрел на него, открыв рот.

– Тоже интеллигент! – с уважением заключил он. – Такое загнул, что и сам, видать, слабо понял... Да вы садитесь! Это у вас, у интеллигентов, времени сроду не хватает, а у меня его навалом, девать некуда. Сейчас печку растопим да покалякаем по душам...

Встав на колени, он принялся возиться с печной заслонкой, не обращая внимания на гостей. Гуров внимательно осмотрелся по углам.

Обстановка в комнате была бедной и запущенной. Паркетов здесь действительно не мыли, и не мыли уже, наверное, лет десять. Однако на стене над входом висела потемневшая икона, а в углу стоял телевизор. Совсем пропащим хозяина нельзя было назвать. Но кроме этих положительных свидетельств, меткий глаз Гурова сразу же обнаружил нечто, свидетельствующее отнюдь не в пользу Карпа. Под кроватью, не слишком глубоко задвинутая, стояла картонная коробка с консервами – свиная тушенка в жестяных банках.

– Послушайте, Карп! Давайте без дипломатических реверансов, – предложил Гуров. – Вы правильно подметили, что у интеллигентов вечно не хватает времени. Поэтому я сразу перейду к делу. Самогонка ваша нас, честно говоря, не интересует, хотя, по идее, может и заинтересовать, если вы проявите политическую близорукость. Понимаете, о чем я?

Карп, как ни странно, эту мудреную фразу понял с налету. Не поднимаясь с колен, он пристально посмотрел снизу вверх на Гурова и сокрушенно сказал:

– Не допер сразу, гражданин начальник, извиняюсь! Старею, нюх потерял! Мне бы сразу догадаться, что вы по этому делу. Ну так ведь вина моя небольшая, я считаю. Сказали – рынок, я и пошел на рынок. Только что и разницы, что не я пошел, а ко мне ходят. А чем я, например, хуже тех, которые, извиняюсь, паленой водкой торгуют? Ничем, я считаю, не хуже. От их водки народ штабелями мрет, а у меня – гарантия!

– Ты опять, что ли, рекламный блок включил? – подозрительно спросил Крячко. – Мы так не договаривались. Нам твой бизнес пока до лампочки, можешь не напрягаться. Мы вообще по другому делу к тебе пришли. Вот если не осознаешь этого факта, тогда уж извини, придется заняться твоим промыслом по полной программе. Лицензия, скажем, у тебя имеется?

– Ну-у, откуда у нас тут лицензия, начальник? – добродушно откликнулся Карп, продолжая возиться с печкой. – У нас тут, кроме грязи, ничего и нету. Это вот пока дожди не

начались, у нас еще ничего, а так – хуже и не придумаешь. Откуда лицензия – нету! А про какие такие дела вы поговорить-то хотели? Я со всей душой!..

– Значит, так, – сказал Гуров, присаживаясь на шаткий табурет возле обеденного стола. – Тут не очень далеко военная часть располагается. Оттуда к тебе заходят?

– Как не заходить? – кивнул Карп. – Служба – дело долгое, поневоле зайдешь. И не захочешь, а зайдешь. Бывали у меня и из части – и солдатики бывали, и командиры. Не скажу, чтобы часто, но бывали.

– А еще рядом с вами ОАО «Весна» располагается, – продолжал Гуров. – Военные на ее полях картошку запасали. Нас интересует такой факт – машины, которые этот полезный корнеплод перевозили, к вам в деревню заворачивали?

– Регулярно, – охотно ответил Карп. – Как не заехать, когда рукой подать? Бывало, заскочут – бутылку под гимнастерку и дальше в бой. А бывало, после заката уже приедут пустые – это, значит, как в самоволку вроде. Ну тут уж, бывало, и до утра засидятся.

– Ясно, – сказал Гуров. – А не припомните ли вы, что происходило тут у вас в ночь на двадцать шестое сентября? Это суббота была, припоминаете? Подъезжал кто-нибудь из военных?

Карп забросил в печь последнее полено, закрыл заслонку. С веселым треском заплясало пламя.

– Сейчас сугреемся! – пообещал хозяин, с усилием поднимаясь на ноги. – А в ту субботу что же... Были какие-то люди. Всегда кто-нибудь приходит... Точно были, начальник! Вспомнил! Как вы и говорили – на машине заехали, под вечер. Володя-сержант и дружок его ефрейтор – не помню, как зовут. Они часто у меня бывают.

– А за самогонку расплачиваются крадеными консервами? – уточнил Гуров, переводя взгляд на коробку, угол которой торчал из-под кровати.

Карп не смутился.

– А вот этого уже не скажу, начальник, – краденые они или, допустим, ему их мама с Урала прислала. Сертификата я, сам понимаешь, ни с кого не требую. Но консервы привозили – не отрицаю. Я готовить не люблю, а консервы – большое подспорье.

– Рассказывай подробно! – распорядился Гуров. – Иначе разговор про консервы придется в другое место перенести.

– Зачем в другое? Мне и это нравится, – спокойно сказал Карп. – А подробно... Дай бог памяти... Значит, так, приехали они, когда стемнело. Может, в восемь, может, в половине девятого. Сели отдыхать. А машина у них сразу уехала. Я еще удивился, потому что, кроме их двоих, вроде никого не было. Они сначала помалкивали, а когда на грудь приняли, по секрету сказали, что сдали машину вроде как напрокат. Ну, мне-то это без разницы.

– Напрокат?! Кому?

– Вот уж не спрашивал, – развел руками Карп. – Только потом, припоминаю, уже поздно ночью сюда офицер заходил...

– Офицер?! Как выглядел? – вскричал Гуров.

– Обычно выглядел, в погонах, – ответил Карп. – Да я не присматривался. Он Володю-сержанта вызвал в сени, поговорили они с минуту и разошлись. Только офицер незнакомый. Я из части многих видал, а этот незнакомый – то ли лейтенант, то ли капитан, не припомню сейчас. Да вы лучше у него самого спросите, – вдруг добавил он, прислушиваясь.

Оперативники насторожились – с улицы явственно послышался шум тяжелого автомобильного мотора, а вскоре прямо под окнами загрохотало, зазвенело, закрипели тормоза, и почти сразу же грохнули дверцы.

Через несколько секунд загрохотало уже в сенях и в комнату без стука ввалились двое расхристанных вояк – без головных уборов, воротнички расстегнуты, ремни болтаются ниже

пупка. Не обращая внимания на посторонних, один из них, здоровенный, красномордый детина, прямо с порога рявкнул:

– Давай, Карпуха, не тяни кота за яйца – наливай! У нас времени мало, конкретно на полчаса вырвались. Давай-давай, по-военному!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.